

PINOCCER

FREEDOM OF PRESS BELONGS TO THE PERSON WHO USES THIS FREEDOM

В HOMEPE:

Art Spigelman:

[MAUS История оставшегося в живых](#)

Psychic TV:

[ОПАСНЫЕ АУТСАЙДЕРЫ](#)

Ю.Церковский

[FANTO MASS MEDIA: RUNAWAY from the EQUILIBRIUM POINT](#)

INTERVIEW:

[Эдуард Лимонов](#)

[Виктор Авилов](#)

[Лайма Вайкуле](#)

А. Левитский

[ПРОФИЛЬ ВЛАСТИ. РОБЕРТ МЕППЛОРП. К поэтике ада](#)

Сергей Гурьев

[ЖЕЛТЫЙ ТУМАН. Имидж как позитивная форма коррозии личности](#)

[ЧАСТЬ РЕЧИ. ШПИОНЫ В ДОМЕ ЛЮБВИ](#)

Ю.Пальмин

[DUDE IN THE MUSKED](#)

[АМЕРИКАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В РОССИИ: MOSCOW Guardian](#)

[by Alexander Kushnur](#)

Пол Вильямс

[Краткая история CRAWDADDY!](#)

ОЛЕСЯ

[вопросы и ответы с точностью до нескольких смещений](#)

П.Колупаев

[Подольск-87. Как создавался «Советский Вудсток»](#)

Л.Афонский

[Онтология победы. "Московский комсомолец": К ПОРТРЕТУ ЯВЛЕНИЯ](#)

Д.Галковский

[Нетолерантный монолог](#)

А.Серьга

[Статья №130](#)

William S. Burroughs:

[Сместите координатные точки](#)

[Не кажется ли Вам, что... \(опыт экстраспективного анализа\)](#)

[милл! Дмитрий Волчек глазами эксцентрика](#)

[at a glance: ЧТО ВАС ТАК НАПУГАЛО?](#)

[radio-wave: БОРИС ПАРАМОНОВ как зеркало](#)

Георгий Рамазашвили

До настоящего времени «тема Александра Башлачева» оставалась в монопольном ведении его близких друзей и разного рода «современников поэта», что неизбежно придавало ее освещению взволнованно-исповедальную окраску. В данном случае этой темы касается юный филолог, для которого поэт не «кровный брат и собутыльник», а некое *ставшее* явление отечественной культуры, которое может восприниматься с известной исторической дистанции - что, как нам кажется, гносеологически искупает излишне бесцеремонный тон статьи. - *Ред.*

ШПИОНЫ В ДОМЕ ЛЮБВИ

Рассуждать о той прессе, что собрал - увы, посмертно - Башлачев, как-то неловко, поскольку большинство публикаторов, во-первых, не берется говорить о его творчестве, и, во-вторых, занимаясь биографическими изысканиями, идет по пути наименьшего сопротивления, т.е. крайне бессвязные полслова, которые обмолвит иной знакомый Башлачева, подгоняются под набивший оскомину образ позитивного рок-героя; особенно, кстати, подчеркивается при этом многозначность слова «рок».

Башлачевской прессы, попросту говоря, не существует, если, конечно, не упоминать публикации, пафос которых сводится к призыву: «Дружно, взявшись за руки, попадаем из окон». Одной пятерни хватает для перечисления статей, в которых речь идет о реальном непридуманном поэте. Во всех же остальных случаях авторы создают миф.

Признаться, пересказывать эти мифы неудобно. Еще неудобнее цитировать иные статьи. Какой-нибудь полумок в газете «7 дней» лихо отмахивает на целую полосу статью «Смерть шута», в которой прыщеватым тоном мэтра повествует о каком-то полисном монстре-имбициле ядерной эпохи, гибнущем под обломками собственных переживаний. Свой вид маниакального бреда есть и у

Общественное мнение как ни что иное расположено к заигрыванию с употреблением слова в новом, нетипичном для него значении. Пресса в этом аттракционе играла и будет играть ведущую роль, особенно в тех случаях, когда число адресатов того или иного музыканта, политика, оратора несравнимо меньше тиража периодического издания. А таковых случаев - подавляющее большинство. И речь здесь пойдет не столь о том: почему публике - в ее рядах и читающей - более мил культурно наряженный - как покойник - образ-миф, вписывающийся в общепризнанный пантеон, нежели реальный собеседник, материализовавшийся в строках нескольких тысячного поэтического сборника, сколь о создании артефакта и его признаках. Чтобы более не возвращаться к теме мифологичности общественного сознания отмечу, что ему легче и естественней апеллировать символами: черная роза, как известно, эмблема печали.

Но «история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она - следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление». Поэтому особенно безыскусными выглядят попытки некоторых авторов приписать боли и чаяния целого поколения кому-нибудь из своих современников, например, умершему молодым. Дело в том, что в подобных случаях от облюбованного биографами персонажа остается одно воспоминание, а реальные факты его жизни и анализ творчества подменяются описанием современной ему эпохи и культурной среды.

В посмертных публикациях, появляющихся в юбилейные дни, как грибы после дождя, обнаруживаются и запоздалые прозрения, и комплексы вины, и бросающиеся надменным потомкам,

[русской революции](#)
[corner of fracture: Копи](#)
[КОТА ЛЕОПОЛЬДА](#)
[staffage figures: MAGIC](#)
[REVOLUTION in a human](#)
[view fashion](#)

[NEXT](#)

[PS](#)

[P.S. Extraction from](#)

политизированных сверстников Башлачева, воспитанных на чтении Солженицына и «Нового русского слова» - один из них опубликовал в газете «Либерасьон» некролог (позже перепечатанный журналом «Континент» и никем не виденным выпуском «Мулеты»), уведомлявший читателей о том, что покойный Башлачев А.Н. предупреждал родных и близких о лживости реформ, проводимых поменявшей вывески партийно-мафиозной номенклатурой.

По-своему распорядилась именем этого человека и тинейджерская культура, начиная с «МК», сообщавшей в статье «Питер - город Витин», что печать у него, у Башлачева - она на крыле была (спасибо, пооткровенничали), и кончая радиостанцией Стаса Намина, благодаря которой подростки называют покойного поэта не иначе как «Сашей Башлачевым» - по-домашнему, по-родственному.

Сама идея воспитать подрастающее поколение на творчестве Цоя, Б.Г., Башлачева подразумевалась, как бы, спросом на русский рок, о котором ко второй половине 92-го, пожалуй, забыли. И слава Богу. Потому как, если иной мальчишка адекватно воспринимает песни про Пашу, который «хочет быть героем, а он такой и есть», то заставить того же сорванца, пускай и отрастившего длинные волосы, а тем более - целый стадион таких сорванцов повторять: *«Не умею ковать железо я - / Ох, до носу мне черный дым! / На второй мировой поэзии/Признан годным и рядовым»* - невозможно, да и абсурдно. Вслед за цой-онерией пресса не должна создавать «Башлачева - глашатая поколений», а такая угроза, собственно, имеется.

Я, например, остерегаюсь брать в руки газету, называющуюся «Бубенцы». А впрочем, что говорить о чахлом самиздате, если многие писаки склонны видеть даже в гибели Башлачева поступок пророка?! Детвора-то всю эту чушь лопают, поэтому уже сейчас на всевозможных пастбищах волосатиков можно наблюдать толпы позвякивающих колокольцами людей. Для них Башлачев становится символом. Впору цитировать Набокова: «Знатоки оценят это прелестное, будто бы многозначительное «ночью», - ах ты - «ночью», смотри какой, писал ночью, не слал, какой интересный и томный!»

Мимоходом сообщаю, что увидевший свет в 90-ом году сборник «Посошок», ориентированный вовсе не на академическое чтение, до сих пор находится в свободной продаже - загляните на Калининский.

Неизвестность имени Башлачева широкой аудитории способствует тому, что все упоминания в прессе носят характер даже не восхваления, а какого-то виноватого подобострастия; пишущие о Башлачеве словно боятся поделиться лишней мыслью с читателем - лишь бы не стряхнуть позолоту с еще не купленного портрета. Соцреализм из моды уже вышел, а «абстракцисы и пидарасы», - кое-кто из них с Башлачевым был знаком, - предусмотрительно не облюбовывают одеж открывателя имени. Поэтому за дело берутся представители рок-среды.

да и современникам, обвинения в жестокосердии и скудоумии. До героев повествования все эти драмы не доходят, а если и доходят, то с явным запозданием. С умершими биографам управлять как-то спокойней, поскольку те, переселившись на Елисейские, становятся безраздельным достоянием воспоминаний родственников и оставленных на этой земле результатов своего ремесла. Люди пишущие становятся, следовательно, достоянием языка, или, как сказал бы Бродский, «частью речи».

И вот чего не могут или не хотят уяснить для себя многие биографы: о ком они пишут - о том ли господине X, который продемонстрировал зрителям член на стадионе в Майами, или же об авторе «Американской молитвы», который, вроде бы как, тоже является господином X. При том, отнюдь не каждый, разглагольствующий о майамском инциденте, сможет наизусть продекламировать «Lament For my Cock».

Впрочем, Моррисону, на животе которого под теплым парижским солнцем прорастают сегодня цветочки, даже до востребования не приходят бандероли с разъяснением фактов его биографии. Печально, но правдиво. В той же степени печально, но правдиво и то, что человеку, о газетных имиджах которого пойдет речь, не приходится с чуть недоумевающей улыбкой на устах читать очередной посвященный себе панегирик, опубликованный каким-нибудь многотиражным изданием. Звали этого человека, да и зовут, Александром Башлачевым.

Создателями наиболее запоминающихся «авторских» телег можно назвать, пожалуй, Троицкого, Кинчева, Жарикова и, наверное, Липницкого, - всех их объединяет феноменальное умение разьяснять башлачевские строки и поступки.

Попытаемся понять, что делает Троицкий. С одной стороны, он выпускает коммерчески успешное беллетристическое чтение, рассчитанное на англоязычного читателя, знающего о медведях и коммунистах, разгуливающих по Красной площади. Теперь к этой компании присоединились рок-музыканты. С другой же, пытается в эдаком популистском ключе поведать «загадки Саши Башлачева» непосвященным. Разумеется, создается китчевый портрет поэта: со скоморошечьими бубенцами, кровоточащими пальцами, русской душой, болью и т.д. Человек, далекий от башлачевского творчества, к рассуждениям Артемия Кировича о «неизбежности трагической развязки» отнесется индифферентно. Родственники же покойного должны это рассматривать как откровенную бестактность, совершаемую в угоду мифу. Да и не только родственники, но и люди, читающие Башлачева и знающие поэтому, что его творчество не столь однозначно толкуется.

Мифотворческое небрежение Троицкого фактической точностью вынудило Евгению Каменецкую - юридическую жену Башлачева, его сестру Лену и мать малолетнего Егора Александровича Анастасию Рахлину опубликовать в «НГ» (02.07.92) примечания к статье музыкального редактора РТВ "По ком звонят колокольчики». 14 орехов - не много ли для неполных полутора десятков страниц машинописи?

Зимой 93-го я расспрашивал Липницкого о том, как проходила запись альбома «Вечный пост» Мой собеседник условием беседы поставил визирование и проверку гранок. Подобная осмотрительность не случайна. Для Липницкого, по его собственному утверждению, в башлачевской теме существуют фигуры умолчания - с тех пор, как он «обжегся, смело написав о Башлачеве. Столь же смело, как пишут на западе».

Следует объяснить, почему я да сих пор не опубликовал это интервью. Первое, что меня удержало от перспективной публикации (Липницкий подал хорошую идею - объединить рассказы тех, кто работал с Башлачевым в качестве звукорежиссера) - это некоторая ущербность материала, участники которого осознают наличие шершавых тем. Понятно, что одним выхваченным сюжетом разрешить все вопросы, оставленные после себя поэтом, невозможно. И предание огласке замалчиваемых знакомыми или прессой деталей и эпизодов выглядит одиноким, не связанным с другими штрихом. Это не рыженковская и, тем более, не гребенщиковская беда или проблема (выберите подходящее слово), что упоминание алкоголизма групп «Футбол» и «Аквариум» означает для Липницкого свободомыслие и непосредственность (существующую ли?) западной прессы. Подобные статьи интересны тем, что оказываются иллюстрациями авторских болезней, так как позволяют, путем перенесения личного опыта на изучаемый объект, рассуждать о чьем-либо творчестве.

Впрочем Липницкий заслуживает порицания не больше, чем Сигачев, утверждающий, что Башлачев в дневниках подробно расписал, когда и где он погибнет: «Ровно три месяца не пил, не курил, и день в день...» Да и о каких «воспоминаниях друзей» можно говорить, если интеллигентный, манерничающий редактор самиздатовского литературного журнала отзывался о Башлачеве как о «несчастном уроде, из кармана которого вечно торчала игла» - и добавляет - «Поэт бездарный. Единственная песня, которая пользовалась году в 86-87 успехом - «Петербургская свадьба»; ее считали передовой»?

Сергей Жариков опубликовал в газете «День» и брошюре «Русский рок» статьи, в которых упоминался Башлачев. Бывший участник «ДК» пишет, что пытался, по собственному утверждению, спровоцировать поэта на размежевание с «питерской коммуной» - дескать, твоя «песня была лишена мотива, но зато ее хором не спеть» - и, добавим от себя, уподоблялся таким образом порождению ехиднину, искушавшему экзистенциала Христа. Жариков - тип

образованный, но эта самая образованность с некоторыми, и в частности - с ним, играет злую шутку, превращая их в пошлых рассудочных чертей. Поэтому черт-Жариков как коммунальный персонаж, пишущий статьи для семипудовых купчих, и предлагал Башлачеву стать певцом «третьей столицы». Для Жарикова, с каждой строки которого свешивается «хвост, гладкий, как у датской собаки», Башлачев мог стать тем божественным красавцем, который позволил бы ему приобщиться к избавлению от неопределенности. Стань Башлачев «человеком, как бы навсегда потерявшим прописку, человеком внутреннего бытия», т.е. носителем собственной культуры, и Жариков увидел бы, где наступает предел собственной коммунальной пошлости. Жариков приписывает коммунизм тем, кто, якобы, хотел погубить Башлачева. Делает он это потому, что единственным из персонажей современного рока, песне которого он позволил бы себя «убить», был, по всей видимости, Башлачев. Но поэт покончил с собой по причинам, не имеющим к Жарикову никакого касательства. И автор «Русского рока» не может ему этого простить. Простить того, что спевший: «нет тех, кто не стоит любви» - погиб, оставив его, Жарикова, и дальше ею - неопределенностью - мучиться.

Ежели говорить о Жарикове-стилисте, то следует отметить, что он не может преодолеть двойственность собственных намерений: с одной стороны, хочет создать миф, с другой - сохранить видимость достоверности. Но шизофрения смоделированная менее органична, чем шизофрения врожденная. Поэтому даже одна говенная малотиражка всех этих фашизоидных выbledкое цивилизации оказалась более искренна в своих мистификаторских устремлениях, чем Жариков: людоедски изувечив выбранную в качестве эпиграфа строку из непонятно где подслушанного «Посошка», газетенка приписала песню некоему «А.Бушлатову» - родина-мать зовет! - «поэту, ушедшему безвременно». «Патриотам» несподручно цитировать доподлинного Башлачева или превращать его в национального героя. Некоторые из них читали башлачевское интервью Борису Юхананову, в котором поэт объясняет, почему он не любит славянофилов. Куда проще называть Башлачева еще одной жертвой инородцев или калечить в целях «цитирования» его строки, заменяя слова и сюжеты. Какое нам дело до Жарикова?..

«Пускай он, гад, подавится иудинными корками!»

Столп отечественной звукозаписи, нареченный при рождении Александром Ивановичем Агеевым, признался мне однажды, что вместе с Троицким собирался составить книгу воспоминаний, принадлежащих женщинам, которым доводилось когда-либо с Башлачевым общаться. Я полагаю, что вся мистика, столь милая, по словам Александра Ивановича, его сердцу, уместилась бы в размер строки Яны Дягилевой: «А на матрасе - позапрошлые руки». С тем же Липницким, к примеру, мы однажды договорились до того, что отечественный рок находился в критическом, предсмертном состоянии, и гибель Башлачева, являвшаяся, дескать, следствием этого, послужила чуть ли не искупительной жертвой.

Нину Барановскую, высказавшую некогда со страниц журнала «Аврора» пожелание, чтобы собрались башлачевские друзья и поделились своими воспоминаниями, должен огорчить: уважающие себя издания поостерегутся публиковать рассуждения Кинчева о том, как Башлачев «невестой себе выбрал смерть». Доктор однажды мне сказал: «Башлачев? - А он был моим предтечей. Вы знаете слово «предтеча»?» Тут бы процитировать одно из фирсовских интервью, в котором он рассказывает, какова была реакция Башлачева на кинчевские песни образца 86-го года; «Я же живой еще. Зачем же он так дерет?» - Фирсов божится, что ни единого слова не перевирает. Гребенщиков мимоходом уже заметил мне, что «СашБаш ушел, потому как спел все, что хотел спеть». Тогда же он брякнул, что и в цоевском финале подозревает суицид: «А я - так и вовсе думаю, что он это сам сделал».

Что тут сказать? Люди склонны поэтизировать беду. Особенно если она - соседская.

Помнится, журнал «Ура Бум-Бум» в номере 5 за 1990 год опубликовал стенограмму

«севаборотовской» беседы с Ириной Кузнецовой - питерской знакомой Башлачева. Это как раз та дешевая мистика, по которой тоскует Агеев, - Кузнецова рассказывает сюжеты, достойные триллеров, но глупость ситуации заключается в том, что я мог бы то же самое рассказать, читая башлачевские стихи, в толковании которых Кузнецова абсолютно беспомощна. Новгородцев же пытается на примере беседы с живым человеком (год на дворе - 89-ый) показать психологический тип своих бывших соотечественников: а чем то они сейчас живут? И Кузнецова чуть томно, но проникновенно подыгрывает ему: «Любой шаг, даже смерть, можно воспринять радостно. И **все** мы после его смерти получили заряд творческой энергии, все - и я, и Борис, и Виктор Цой, и многие-многие советские музыканты и поэты».

Вслед за этой публикацией последовали еще две: воспоминания некоего А.Измайлова, общавшегося с Башлачевым в бытность его студентом факультета журналистики свердловского госуниверситета, и беседа со Святославом Задерием, обозвавшим Кузнецову ведьмой. О первом материале скажу одно: никаких речательств подлинности воспоминаний Измайлова нет. Он и сам признается, что «вспоминать о том времени - все равно, что переводить с мертвого языка». Вообще, большинство школьных и университетских знакомых Башлачева находятся ныне в двусмысленном положении. Поэт перебрался в Питер, чередуя периодически город на Неве с Москвой. Даже несмотря на спетое им: «Я хотел бы жить и умереть в России./Если б не было такой земли - Сибирь...» - он не задерживался там надолго. Поэтому в воспоминаниях его свердловских и череповецких знакомых присутствует некоторая дискретность. Они весьма скупно отзываются о причинах смены Башлачевым мест жительства; а в представлениях о его поэтическом кредо оказываются способными на такие, к примеру, пассажи: ««Я - поэт», - сказал он и улыбнулся: мол, понимай это скорее. И я понял, что это значило: «Я знаю, что погибну»».

В общем, «потом пришла целая ватага ребят... и все, глядя через забор и понизив голос из уважения к погибшим - вспоминали, как Том сделал то-то и то-то - в последний раз, когда они видели его, - и что сказал Джо, причем в любом, самом незначительном слове им чудилось зловещее пророчество. Один бедный малый, не найдя ничего лучшего, объявил не без гордости:

- А меня Том Соьер здорово отколотил как-то раз!

Но его попытка покрыть себя славой не увенчалась успехом».

Ущербность таких «воспоминаний» очевидна. К тому же, не подкрепленные текстологическими изысканиями, любые воспоминания теряют всякий смысл, в результате чего остается только воссоздавать для потомков контекст культуры и времени. Чем-то подобным, как мне кажется, занимался Илья Смирнов.

В газете «Третье сословие» Смирнов попытался использовать этот срез культуры и времени как фон башлачевского портрета, но, видимо, слишком заострил свое внимание на беспечно пирующем рок-племени, которое не предвидело многих коллизий грядущих в своем стане. Автор явно хотел спросить: «Как же вы это-то проморгали?» - и тем самым подразумевал присутствие персонажа, предчувствовавшего или, скажем, острее ощутившего грядущие перемены. Илья разъяснял мне все это, но я оказался неподатлив и покамест придерживаюсь своего старого мнения.

Андрей Бурлака, бывший издатель «РИО», весной 93 года осчастливил питерскую газету «Рок-фузз» статьей «Хранитель времени сбора камней», речь в которой шла даже не о Башлачеве, а о том, как поглощены знакомые поэта событиями сегодняшнего дня и не вспоминают - за бегом времени - покойного. Представитель того самого рок-племени, о котором писал Смирнов, мечтательно обращается к своим читателям: как хорошо было бы «сразиться» с человеком, назвавшим Башлачева эпигоном Высоцкого, «его же оружием».

Бурлака донельзя удачно сформулировал претензии рок-племени на вхождение в анналы культуры - за счет индивидуального гения. В данном случае - башлачевского. И, как справедливо полагает Бурлака, для приличествующего исполнения церемонии необходимо присутствие капельмейстеров и режиссера со свитой. Однако, сам редактор «РИО» их работу выполнить явно не сумеет - ввиду полного отсутствия соответствующих навыков, т.е. ввиду невладения тем самым «оружием».

Самиздатовские «РИО» и «УрЛайт», а вслед за ними и «Контр Культ Ур'а» использовали словосочетание «время колокольчиков» как коммерчески удачный термин, украшая им по поводу и без повода многие редакционные врезки и комментарии. Стилистически это было не выдержано. Да и едва ли мог «старый пердун Урлайт» (как он назывался бывшими его участниками) оказаться «летописцем времени колокольчиков». В той же мере слово «лабух» не подходит для характеристики Ростроповича.

Следует, однако, назвать те публикации о Башлачеве и его творчестве, которые производят впечатление благоприятных. Соколянский возился со строками Башлачева, сравнивая их с гребенщиковскими, но его статья до сих пор не опубликована. По мнению некоторых, заслуживают внимания и рассуждения критика Кулаковой, также недоступные большинству читателей, поскольку опубликованы таллинским изданием «333». (?-рвд.) Куда легче раздобыть стенограммы четырех башлачевских интервью, перепечатавшихся в разное время журналами «Контр Культ Ур'а», «РИО», «Рокси»; газетами «Комсомольская правда», «Независимая», «Иванов». Бесед с Башлачевым на сегодняшний день мне известно пять, инспирированных в разное время тем же Андреем Бурлакой, самиздатовским журналистом Игорем Леоновым, участниками передачи «Веселые ребята» (видеозапись была размагничена, но какая-то добрая душа сохранила стенограмму интервью, передав ее позже родственникам поэта), Борисом Юханановым и Джоанной Стингрей (запись сделана после квартирного выступления Башлачева на квартире заморской певицы: хранится на видеокассете; оригинал был недавно загажен, в связи с чем подлежал реставрации). Все эти интервью представляют собой попытки разных персонажей в разных же целях задать Башлачеву вопросы на всякие там темы. «Всякие там темы» - поскольку вопросы задаются через пень-колоду, и ни в одном из них нельзя найти беседы двух равно интересных друг другу лиц. Следует добавить, что интервью, взятое Бурлакой, частично перепечатал и Житинский в своем широкодоступном фолианте «Рок-дилетант». Прямая речь - и никаких примечаний или корректировок.

Опубликовав сборник воспоминаний о Цое, Житинский выразил пожелание увидеть Башлачева героем следующего собрания мемуаров. Но рок-дилетанта схватил своими ватными руками инсульт, и коммерчески выгодное издание (публикой околобиографические сплетни ценятся больше, чем стихи) оказалось несоставленным. В разговоре со мной родственники Башлачева объясняли свое нежелание участвовать в подобном проекте: «В ходе составления книги выяснится, что очень многим я больше не подам руки». Некоторые знакомцы Башлачева это обстоятельство уже уразумели: например, Кинчев вежливо ответил, что готов поделиться воспоминаниями лишь в том случае, «если Настя даст добро». Чем же объясняется подобная осторожность?

К выходу пластинок Таганского концерта Настя Рахлина опубликовала в «КП» (10.10.92) небольшую - странички три машинописи - но очень любопытную заметку «Концерт для голоса с душой». Мне кажется, что Настя чрезвычайно метко сформулировала парой строк ожидаемое от прессы. В частности, упоминая оформление альбомов, автор пишет: «Можно считать, что его нет вообще - настолько оно идеально». Столь же красноречивыми мне кажутся первые три фразы, посвящающие читателя в суть происходящего «В принципе непонятно, правильно ли ты поступаешь, делая за человека то, чего он делать не собирался. Единственным оправданием служит то, что времена изменились».

Последний год своей жизни, не будучи уверенным в том, что он прав, Башлачев старательно

заметал следы».

Я не хочу сейчас обсуждать причины «заметания следов» (это тема отдельного исследования) и делаю лишь маленькую подсказку - поразмышляйте над содержанием ряда главок, посвященных взаимоотношениям поэтов с жизнью, из «Так говорил Заратустра» и «Похвалы глупости», забыв на время о башлачевском самоубийстве.

Задерий говорит, что Башлачев дразнил Настю и ее подружку: «Две искусствоведки сидели на ветке». Даже если Алиса ничего не присочинил, следует заметить, что законы культуры действуют подчас помимо воли того или иного автора.

Несколько смущает формулировка последнего из приведенных предложений: весьма туманным представляется смысл «не будучи уверенным, что он прав». Следует ли понимать эту правоту как некую позицию, доминирующую над человеческими поступками - на дао-гребенщиковский манер? Или же речь идет о башлачевских сомнениях в необходимости «заметания следов», уничтожения, например, оригинала альбома «Вечный пост»? Но откуда тогда возникает это «старательно», характеризующее, как поэт расправлялся с собственным творчеством?

Смирнов рассказывал мне, что Башлачев, по собственным словам, зимой 88-го собирался работать или уже работал над «телегой», - он употребил именно это слово, и сказал, что ничего подобного доселе в русской стиховой культуре не создавалось. Для читателя это новость, как, впрочем, и для меня, со слов дядюшки Троицкого считавшего, что Башлачев последние полтора-два года своей жизни почти ничего не писал.

Ситуация в мемуаристике не новая. Ошибка в информационном сообщении служит, и порой справедливо, причиной обид (тому же Липницкому порядочно пообтрепали псевдоассирийскую бородавку за крайне неумелую попытку заземлить силуэт Башлачева разговором о наркоте). Авторитет, с которым согласились бы сотрудничать одновременно крайние антагонисты, пока еще не заявил себя.

Поэтому меня несколько удивляет позиция, которую занимают люди, принимавшие в судьбе Башлачева определенное участие, - они могли бы написать, скажем так, официальную биографию, но такую, после публикации которой башлачевский портрет был бы застрахован от произвольных и от намеренных искажений.

Речь ведь идет уже о том, что джинн выпущен из бутылки, и его полету следует задать наиболее цивилизованную траекторию. Я прекрасно понимаю, что в подобной публикации будут определенные фигуры умолчания, - слишком велика в этом сюжете доля частного. Следовательно, башлачевское творчество станет чуть ли не безраздельным достоянием филологов.

Перспективы перед исследователями башлачевской поэзии раскрываются не новые: от выявления семантических полей с их лексическими единицами до изучения роли аллитерации в любовной лирике; от сопоставления языческих и новозаветных аллюзий до наблюдения над стилистикой образа Поэта. Одна только лексикология укажет знающим людям темы для нескольких серьезных работ.

Здесь следует, однако, допустить оговорку: вовсе не требуется филфаковского диплома, чтобы увидеть фабулу «он в водке тонет, а сам не плотит» и в стихах Высоцкого, и в обветшалой «Повести о горе-злочастии». Однако ж этим никто, увы, не занимается.

Я пытался однажды соблазнить Николая Богомолова, занимающегося, например, поэзией серебряного века (ему же принадлежит ряд статей о Высоцком), сборником «Посошок», но

сравнительно молодой филолог - ему еще нет сорока - сказал мне, что он далек от рок-культуры.

Бурные споры возникают и вокруг того, что следует называть попсовым подходом к Башлачеву, Отгадка не столь замысловата, как это может показаться. Попсовость подразумевает наличие культа. Культ порождает иерархичность, строгую регламентированность общения толпы с предметом обожествления.

В №25 (1988), т.е. спустя полгода со дня смерти Башлачева, коротический «Огонек» публикует «Грибоедовский вальс», сопровождая его предисловием Булата Окуджавы. Стихотворение для печати выбирал непосредственно главный редактор, известный в прошлом еще и как советский поэт. Окуджава не написал в этом предисловии ровным счетом ничего конструктивного - все только о гвоздях, боли, душе и т.д. Но зато своим авторитетным именем составил для Башлачева некую протекцию перед лицом возможных издателей. Судя по всему, Окуджаву снабдили пачкой рукописей и магнитными лентами, так что престарелый мэтр отечественной бардовской песни «кричал, плакал вместе с ним (с поэтом - Г.Р.) и вместе с ним ликовал». Под окуджавским вступлением помещалась безыменная справка об авторе «Грибоедовского вальса», в которой публикуемое стихотворение было названо «произведением балладного характера». Слово «характера» я, ей Богу, заменил бы на «закалки». Право, не знаю, кто дал подобное определение стихотворению, начинающемуся со строк: «В отдаленном совхозе «Победа»/Был потрепанный старенький «ЗиЛ»». Может быть, сам Коротич продемонстрировал в таком предисловии свой недюжинный поэтический дар.

Как это ни странно, не чуждаются попсового подхода и соавторы Петр Вайль и Александр Генис. Они готовы рассматривать свидетельства участников «русского рока, крайне привередливого и шепетильного в отборе» как некую данность, которая позволит Башлачеву занять «полноправное место в народном искусстве». Авторы пишут: «Идейное обоснование будущего широкого признания уже сформулировано - это сделал исследователь современной музыки Артемий Троицкий». Вайль и Генис, подобно двум бургерам, умеют оценить товар, учитывая его шансы на успех, т.е. на раскупаемость. Поэтому они используют клише «путь поэта - крестный путь» как хорошо зарекомендовавшую себя торговую марку: за нее станут голосовать рублем/долларом и интеллигентные слависты, и зрители Оливера Стоуна, режиссера, которому удалось запродать напояженный муляж Джима Моррисона официальной культуре - миллионам домохозяек, сыновьям какого-нибудь сенатора Гора да влиятельным пиджакам - Моррисон стал частью Американской Мечты.

В подходе Вайля и Гениса лично меня отталкивает одно: они, может быть, и потворствуют становлению Башлачева частью Русской Мечты, но при этом отдают поэта, пытающегося «пересилить ежедневное (!) желание умереть», в объятия толпы, которая готова «творческий акт», превращающийся, по словам В. и Г., «в мазохистское наслаждение», рассматривать как должную, неизбежную жертву. Статья «Семь кругов лада», опубликованная сотрудниками «Радио Свобода» в газете «Советский Цирк» содержит несколько сгодившихся бы для энциклопедии строк.

Бессмысленно от книжных Вайля и Гениса требовать понимания того, что видевшие в Башлачеве поэта-суицида только подталкивали его к этому шагу. Авторы даже не замечают явного противоречия: «обожаящих женщин» не существовало бы, разделяй они взгляды как Вайля и Гениса, так и цитируемого ими Троицкого на якобы неизбежный финал («каждый знал, что это должно было случиться»). Но для того, чтобы это понять, следует находиться чрезвычайно интимных отношениях с башлачевской поэзией.

Выскажу очень жестокое по смыслу предположение: пока существуют люди, готовые, заслышав слово «поэт», устроить овации, будут появляться и те, кто поэзию - дар

цивилизации - станет противопоставлять жизни как некую надприродную мораль. Этому способствует и то, что в истории русской поэзии многие ее достойнейшие представители платили за талант перечеркнутой личной жизнью, годами каторги, загубленной молодостью, ранней гибелью. Русская поэтическая традиция наделяет своих сынов эдакой недужной памятью своего кровавого прошлого. И родившиеся в советское время поэты этот недуг наследовали.

Башлачев для многих стал посмертно фигурой сакральной. Его жизнеописание, следовательно, не должны походить на биографию простого смертного. Лейтмотивом большинства бессодержательных статей становится утверждение: «Он знал о жизни больше нас». Самоубийство Башлачева затмило многим умы, сделав их неспособными к адекватному восприятию его поэзии как единственного цивилизованного источника знаний об авторе.

Однако, общаясь с ценителями башлачевской поэзии да и просто знавшими его, я столкнулся с парадоксальным обстоятельством: многие из них считают то, что называется «текстологическим анализом» за никчемный труд. Это можно объяснить столкновением неизбежности литературного процесса и волюнтаризма экзистенциальных переживаний. Прекрасно осознаю, что близкие Башлачева, которым общение с этим человеком приносило в равной степени радости и печали, счастье и боль, склонны воспринимать мои, так сказать, «текстологические изыскания» *, как не имеющие отношения к происходившему рассуждения некоего проходимца. Прошу их поверить, что общение с поэзией даже незнакомого вам человека может принести такие же эмоции, что возникают порой при общении с живым собеседником. Не о том ли говорил в своем нобелевском выступлении Иосиф Бродский, называя книгу едва ли не более надежным спутником, чем окружающих?

* Автор имеет ввиду свою обширную статью «Бабыя песня» в поэзии Александра Башлачева», к настоящему времени по ряду причин еще не опубликованную. [return](#)

Над ступеньками входа в музей Маяковского громоздится припиленный к стене огромный сетчатый пистолет. Это, по замыслу архитектора, должно символизировать фатальную предрешиенность судьбы поэта. Бедный малыш, улыбающийся нам с фотографий, верно, и не подозревал, что с самого часа рождения на его личико целеустремленно смотрело дуло револьвера. И так - до последнего дня жизни!

Нетрудно представить, как будет выглядеть когда-нибудь дом-музей Башлачева: входят посетители будут через окно, специально приспособенное для этого. Зачем вчитываться в каждую строку? За это не платят денег. Толи дело кунсткамера! То ли дело гримерная актеров, участвующих в фильме ужасов! Вся жизнь банальна, как форма оконной рамы! Гладка, как карниз! Прозрачна, как стекло! Поэтому она и заслуживает того, чтобы в лавке старьевщика-журналиста оказаться обменной на какой-нибудь символ.

«Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..»

Увы, башлачевские биографы ответ на сей вопрос замалчивают.

[к началу](#)

N.B.: Концепция журнала предполагает использование бульварных клише и намеренные лингвистические перверсии. За содержание данного номера редакция никакой ответственности не несет.